

Лян Сычжэ склонился над раковиной, зачерпнул холодную воду и плеснул себе в лицо. У него кружилась голова, он чувствовал, что немного перебрал, и пытался протрезветь.

Продюсер без умолку талдычил ему на ухо:

— Умоляю тебя, извинись перед господином Ю, выпей с ним пару рюмок, одна рюмка — и все разногласия улажены, как будто ничего и не было [1]! Ты же младше его, зачем показывать неуважение к сорокалетнему боссу? Ему же неприятно.

[1] Эта фраза — отсылка к китайской идиоме 杯酒言欢 (bēi jiǔ shì bīng quán), которая дословно переводится как «разжаловать генералов за бокалом вина». Она означает урегулирование конфликта мирным путем, за столом переговоров. Однако в данном контексте она используется с сарказмом и иронией, поскольку продюсер фактически принуждает Лян Сычжэ к унижительному положению.

Лян Сычжэ ничего не сказал, снова зачерпнул воды и окатил ею лицо.

Продюсер занервничал:

— Скажи хоть что-нибудь, Сычжэ! Не молчи! Нам нелегко дались эти съёмки, мы преодолели столько трудностей. Давай просто проглотим эту обиду и извинимся. Что нам остается? Труд сотен человек, всей съёмочной группы, не может пойти прахом из-за того, что ты разбил стакан. Что хорошего в таком противостоянии? Господин Ю — влиятельная фигура в киноиндустрии. Если он сегодня уйдет недовольным и расскажет об этом в своих кругах, нашему фильму конец. Никто не станет вкладываться, и тогда будет уже поздно. Миллионы уже потрачены, что мы будем делать, если всё провалится? Это всего лишь бутылка вина! Выпей её, и всё! Тебе даже говорить ничего не надо, я сам всё скажу. Ну пожалуйста, умоляю!

Лян Сычжэ закрыл кран, медленно выпрямился, опираясь на раковину, и вытер лицо. Продюсер хотел ещё что-то сказать, но, увидев его хмурый взгляд, замолчал.

— Всего лишь бутылка вина? — Лян Сычжэ поднял глаза и посмотрел на человека в зеркале

позади себя. — Хуа-гэ, ты знаешь, почему я разбил стакан?

— Я... — продюсер запнулся на секунду, но быстро заговорил снова. — Знаю, он, конечно, неправ, но, подумай сам, он же не со зла. Наверное, просто хотел взять тебя за руку, чтобы ты выпил. Он ничего такого не имел в виду.

Лян Сычжэ хмыкнул, издав короткий звук, похожий на насмешку. Продюсер, видимо, и сам понял, насколько неубедительно прозвучало его оправдание, и, чтобы сохранить лицо, добавил:

— Сычжэ, ты ещё многого не знаешь, пообтёрся бы пару лет, понял бы, что это обычное дело. Тебе оказывают знаки внимания — это же хорошо! Не будь таким гордым, не думай, что раз тебя зрители любят, то можно расслабиться. У зрителей сколько денег? — Он всё больше распалялся, словно изливал душу. — Сколько они на билеты в кино потратят? В нашем мире кто платит, тот и заказывает музыку. Послушай меня. Знаешь, что господин Ю мне сказал перед тем, как прийти? Он сказал, что, если ты его развлечёшь, он вложит в фильм столько, сколько потребуется. И это ещё не всё! Он сказал, что будет инвестировать во все фильмы с твоим участием, не задумываясь...

Эти слова пробудили в Лян Сычжэ ярость. Он нахмурился и, резко развернувшись, хотел было схватить продюсера за грудки, но вдруг заметил Цао Е, который неизвестно как оказался в дверях. В мгновение ока Цао Е вошел и с размаху пнул продюсера в бок. Тот, увлечённый своей пламенной речью, охнул и, пошатнувшись, отступил на пару шагов. Схватившись за поясницу, он обернулся и гневно спросил:

— Ты кто такой?

— А ты кто такой? — Цао Е, не сводя с него глаз, шагнул ближе, схватил продюсера за воротник. — Режиссёр?

Парень хмуро смотрел, излучая угрозу. Он был на полголовы выше него. Продюсер, видя, что тот не шутит, попытался напустить на себя важный вид:

— Ты... ты поаккуратнее! Здесь везде камеры и охрана. Избиение уголовно наказуемо!

— Заставлять актёра подлизываться к инвесторам за рюмкой... Ты вообще достоин называться режиссёром? — процедил Цао Е, прижимая того к стене и с силой ударяя спиной о плитку.

Видавший виды продюсер старался сохранять спокойствие:

— Давай поговорим нормально, без рук. Ты друг Лян Сычжэ или его фанат?

Цао Е снова толкнул его к стене:

— Какое тебе дело до того кем я являюсь?

— Ладно, неважно. Раз ты за него заступаешься, значит, желаешь ему добра. Так вот, знаешь ли ты, что съёмки фильма встали на полпути из-за нехватки денег? Если мы не найдем инвестиций, придется менять сценарий, декорации... Столько месяцев работы коту под хвост! Остался всего один шаг! Как, по-твоему, нам быть, если не искать инвесторов?

Цао Е холодно посмотрел на него:

— Тогда сам иди и развлекай его [2].

[2] 陪酒 (péijǐu) дословно переводится как «сопровождать за выпивкой». Однако в китайском контексте это слово часто является эвфемизмом для чего-то большего, чем просто совместное распитие алкоголя. Оно подразумевает развлечение гостей, часто мужчин, в барах, караоке или ресторанах. Это может включать в себя: подливание напитков, разговоры, пение, танцы и создание приятной атмосферы. В этом случае 陪酒 может быть частью работы хостес или девушек, работающих в сфере развлечений. Оказание эскорт-услуг, в том числе сексуального характера. В таком контексте 陪酒 становится синонимом проституции, хотя напрямую об этом не говорится.

— Я? — продюсер указал на себя и горько усмехнулся. — Мне бы тоже хотелось все решить за рюмкой, но, боюсь, мое лицо вызовет у него только отвращение.

— Отвращение? — Цао Е, не выпуская воротника, потащил его из туалета. — Веди меня к этому боссу.

— Не лезь не в свое дело! Сычжэ! — продюсер пятился назад, боясь, что сделка сорвется. Воротник сдавливал горло, он закашлялся и обратился к Лян Сычжэ за помощью: — Сычжэ, останови его!

Цао Е не слушал и продолжал тащить его к выходу. Видя, что тот упирается, он развернулся и ударил его коленом в живот:

— Быстрее! Не медли!

Люди, желавшие войти в туалет, замерли у входа. Несколько прохожих остановились посмотреть, что там происходит. Лян Сычжэ, все это время не двигаясь, наблюдал за тем, как Цао Е заступает за него. Его взгляд был прикован к лицу юноши. В состоянии опьянения хочется дать волю желаниям. А сейчас ему хотелось лишь одного — смотреть на Цао Е. Он никогда не видел, как этот молодой господин злится. Это было довольно забавно — в ярости он был совсем другим, не таким, как когда был пьяным. И силён же он, тащит продюсера, как цыплёнка.

Но нельзя было раздувать скандал. В кабинете было больше десяти человек, все — крепкие мужчины средних лет. Он сам был пьян, сил у него было маловато, и Цао Е мог серьёзно пострадать, если бы завязалась драка. Лян Сычжэ выпрямился и, схватив Цао Е за руку, остановил его:

— Забудь об этом, не надо.

Цао Е оглянулся. Лян Сычжэ был явно пьян: он смотрел, слегка склонив голову набок, и в его глазах, словно полных вина, читалась нежность. Цао Е отвел взгляд и толкнул продюсера в

грудь:

— Тогда извинись перед ним.

Продюсер, видя, что Лян Сычжэ вмешался, решил, что тот тоже боится проблем. К тому же, вокруг них собралось много зевак, и он сразу осмелел:

— С чего бы мне извиняться? Я продюсер, а он актёр! Кто тут важнее? Что такого в том, чтобы просить его составить компанию за ужином? Давай, бей! — обратился он к Цао Е, подставляя ему щеку. — Бей в лицо! Если эта история получит огласку, ему конец. Тогда он и спать пойдет с кем ему скажут, и слова не пикнет...

— Бам! — Цао Е со всей силы ударил его по лицу.

— Продолжай! — продюсер подставил другую щёку. — Если не хочешь, чтобы Лян Сычжэ снимался в этом фильме, если не боишься, что об этом все узнают — давай, бей!

Лян Сычжэ заметил, как кто-то начал снимать на телефон. Он шагнул вперед, заслонив Цао Е, и, отведя его назад за плечо, тихо сказал:

— Хватит, Цао Е, не надо больше.

— Да что это за фильм вообще?! Даже если они будут умолять, он не станет в нём сниматься, — Цао Е, которого удерживали, не мог ударить продюсера ещё раз, поэтому лишь злобно бросил: — Запомни: мне плевать, продюсер ты или кто, в этом вашем фильме он сниматься не будет. Зовите кого хотите!

С этими словами он схватил Лян Сычжэ за руку и потащил к выходу. Продюсер запаниковал:

— Лян Сычжэ, не валяй дурака!

Лян Сычжэ не обратил на него внимания и позволил Цао Е увести себя.

У выхода он остановился и выхватил телефон у снимавшего человека. Тот, понимая, что неправ, промолчал. Лян Сычжэ, склонив голову, одной рукой удалил видео. Цао Е ждал его с хмурым видом, он через несколько секунд отпустил его запястье.

Лян Сычжэ вернул телефон, бросив: «Спасибо», и, в свою очередь, взял Цао Е за руку, направляясь к выходу. Лян Сычжэ держал его чуть ниже запястья, почти за ладонь, и вёл через холл отеля. Люди, услышав шум в коридоре, украдкой поглядывали на них, но, будучи хорошо обученным персоналом, не позволяли себе откровенно глазеть.

У дверей Цао Е потянулся к ручке, но Лян Сычжэ, отпустив его руку, завел её ему за шею и натянул на него капюшон толстовки. Цао Е повернул голову, чтобы посмотреть на него. Лян Сычжэ слегка опустил капюшон на его голове и, глядя на него, очень тихо, так, чтобы только они вдвоем могли услышать, сказал:

— Только не попадись на камеры.

Затем он открыл дверь и потянул Цао Е за собой. Его собственное лицо было ничем не прикрыто. На входе в отель он был в бейсболке, но оставил её в кабинете, где они ужинали. Два высоких, статных юноши, идущие бок о бок, быстро привлекли внимание прохожих. Многие оборачивались, чтобы посмотреть на них. Лян Сычжэ был быстро узнан, и кто-то взволнованно крикнул:

— Лян Сычжэ!

В тот же миг все вокруг, услышав это имя, повернулись к ним. Люди достали телефоны и направили их на двух юношей. Только тогда Цао Е понял, что им не следовало выходить. Зачем они вышли? Куда им теперь идти? Нужно было вернуться в ту отдельную комнату и попросить Линь Яня отвезти их.

Просто, когда они с Лян Сычжэ шли через холл, эти несколько десятков метров ему показались дорогой назад в «Лазурную вечеринку». Они прошли через длинный вестибюль к двери, а затем вышли, словно на прогулку. Это ощущение было слишком знакомым, настолько, что он даже не подумал высвободить руку из хватки Лян Сычжэ. Только сейчас он почувствовал тепло его ладони на своем запястье.

Лян Сычжэ разжал руку, его рука скользнула Цао Е за плечо. Внезапно мир перед глазами Цао Е оказался разделен его длинными пальцами. Лян Сычжэ раскрыл ладонь и прикрыл его лицо, защищая от камер. Рука легко легла на его лицо, и Цао Е почувствовал оставшийся на его пальцах слабый аромат вина и едва уловимый запах табака. Лян Сычжэ, должно быть, недавно курил. Хотя у Цао Е не было никакой тяги к сигаретам, ему вдруг остро захотелось курить.

Вокруг собиралось все больше людей, вспыхивали яркие огни фотокамер. Многие снимали их на телефоны, кто-то подходил за автографом. Лян Сычжэ, прикрывая лицо Цао Е, молчал и не реагировал, быстро пробираясь сквозь толпу. Цао Е не видел дороги, но слышал, как люди вокруг постоянно повторяют:

— Лян Сычжэ.

Кто-то крикнул им вслед:

— Как ты мог встречаться с моей богиней Ху Юйсы?

И тут же подхватили другие:

— Лян Сычжэ, давай! Не обращай внимания на тех, кто тебя ругает.

— Правда ли, что после аварии ты больше не можешь играть на скрипке?

— Когда ты вернешь награду «Золотая статуэтка» Вэй Чжуну?

Цао Е хотел обернуться и посмотреть на того, кто крикнул последним, но Лян Сычжэ, словно почувствовав это, тихо сказал: «Не двигайся», а затем добавил: «Идём вперёд». Цао Е послушно не стал оборачиваться. Если бы не Лян Сычжэ, он бы, наверное, схватил того парня и тоже избил. Сегодня он был какой-то особенно вспыльчивый, раньше у него никогда не было такого сильного желания драться.

Пройдя некоторое расстояние, Лян Сычжэ остановил такси. В салоне было темно. Водитель, похоже, не особо интересовался жизнью знаменитостей, и, увидев, как их снимают, лишь мельком взглянул в зеркало заднего вида и спросил:

— Вы звёзды?

Никто из них не ответил, и водитель тактично не стал задавать больше вопросов:

— Куда едем?

— На улицу Иньсы, можно? — Лян Сычжэ, откинувшись на спинку сиденья, повернулся к Цао Е и немного замедленно произнес. — Я выпил, хочу найти тихое место, подышать свежим воздухом, протрезветь.

Он медленно погладил кончики пальцев своей руки. Когда он прикрывал лицо Цао Е, он чувствовал, как ресницы Цао Е касались его пальцев и тепло его губ на своем мизинце.

Лицо Цао Е, скрытое в полумраке, было слегка повёрнуто к окну:

— Как хочешь.

— Сначала к мосту Аньюань, — улыбнулся Лян Сычжэ и повернулся к водителю: — Потом скажу куда повернуть.

— Хорошо, — ответил водитель.

По дороге никто из них не произнёс ни слова. Такая атмосфера, казалось, была между ними впервые. Два года назад, когда они ездили вместе на такси, им всегда было о чем поговорить.

Такси остановилось возле Иньсы. На ночном рынке кипела жизнь, но они, не стовариваясь, пошли по улице. Большинство лавочек на улице уже закрылись, и вокруг было пустынно. Пройдя немного, они сели на деревянную скамейку около переулка. Цао Е уже успокоился и понял, что, похоже, серьёзно напортачил, сорвав Лян Сычжэ съёмки в фильме, который уже наполовину был отснят.

Что же теперь делать? Он действовал импульсивно, и, когда ударил продюсера, совсем не думал о последствиях. Даже его последняя фраза: «Даже если вы будете умолять, он не станет сниматься», — была сказана в запале, он совершенно не представлял, что теперь делать дальше. Если Лян Сычжэ действительно откажется от роли, как быть с неустойкой? У него не было столько денег. Неужели Лян Сычжэ придется всё оплачивать самому? Сможет ли он себе это позволить? И даже если сможет, он не должен расхлёбывать кашу, которую заварил Цао Е. Это... просто какой-то тупик. Он раздраженно достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну, зажал в зубах, чиркнул зажигалкой и, поднеся пачку к Лян Сычжэ, спросил:

— Хочешь?

Лян Сычжэ промолчал, лишь забрал у него пачку сигарет и, опустив голову, повертел её в руках. Цао Е затаился, раздумывая, что делать дальше. Он уже хотел сделать вторую затяжку, когда Лян Сычжэ протянул руку и вытащил сигарету из его пальцев. Держа сигарету в руке, глядя на золотисто-оранжевый огонек, он наблюдал, как тот медленно тлеет и выпускает тонкую струйку сизого дыма. Сигарета и пачка были у него в руках. Цао Е посмотрел на него.

— Когда ты начал курить? — спросил Лян Сычжэ, глядя на него.

— Не помню, — Цао Е опустил голову и пару раз провел пальцами по волосам. — Год назад, наверное.

Лян Сычжэ поднёс сигарету к губам и затянулся. Выдыхая дым, он прищурился:

— Ты ещё такой молодой, а уже куришь.

Цао Е фыркнул:

— Как будто ты старый.

— Я старше тебя на два года. — Снова затянулся Лян Сычжэ. — Эту сигарету я конфискую.

Цао Е сначала промолчал, но потом не выдержал и, повернувшись, с вызовом посмотрел на него:

— Мне восемнадцать.

— О, правда? — Лян Сычжэ улыбнулся. — Тебе восемнадцать. У тебя сегодня день рождения, да?

Цао Е кивнул. Лян Сычжэ помолчал, словно о чем-то задумавшись, а потом медленно произнес:

— Я как-то говорил, что на твоё восемнадцатилетие подарю тебе бутылку вина. Я её уже приготовил. Если бы я знал, что сегодня увижу тебя, взял бы её с собой, — он наклонился вперёд, поставив локти на бёдра, и не отрывал взгляда от Цао Е. Глаза Лян Сычжэ блестели, его взгляд казался каким-то глубоким. Цао Е стало неловко под этим пристальным взглядом:

— Чего ты на меня уставился?...

— Ничего, я просто рад, — Лян Сычжэ снова улыбнулся. В состоянии опьянения он стал многословным, но, казалось, не мог с собой ничего поделаться. Глядя на Цао Е, он сказал: — Цао Е, почему я так рад тебя видеть?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130283>